

УДК 811.11'42

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: В ПОИСКАХ БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДИК АНАЛИЗА

А.П. Мартынюк (Харьков, Украина)

А.П. Мартынюк. Когнитивно-коммуникативная лингвистика: в поисках базовых принципов и методик анализа. В статье рассматриваются теоретико-методологические принципы и инструменты когнитивного анализа межличностного коммуникативного взаимодействия. Основная теоретическая посылка состоит в том, что лингвистические исследования межличностной коммуникации как когнитивного процесса должны опираться на теорию динамического конструирования значения. При этом кроме энциклопедических знаний, такие исследования должны учитывать и другие психические параметры, влияющие на процесс конструирования, – эмоциональный, перцептивный, волеизъявительный, а также фокус внимания коммуникантов. В качестве инструмента когнитивного анализа коммуникативного взаимодействия предлагается инференционный анализ, состоящий в прогнозировании инференций коммуникантов. Инференция понимается как продукт динамического конструирования значения единицы языка в акте коммуникативного взаимодействия. В процессе прогнозирования инференций учитываются как лингвальные, так и экстралингвальные (психические) параметры, объективирующиеся в вербальных / невербальных высказываниях, – когнитивный (энциклопедические знания), аффективный (эмоциональное состояние), перцептивный (сиюминутный перцептивный опыт), волеизъявительный (желания коммуникантов, мотивированные их социально-биологическими и коммуникативными потребностями), а также фокус внимания коммуникантов.

Ключевые слова: волеизъявление, динамическое конструирование значения, инференционный анализ, когнитивно-коммуникативная лингвистика, перцептивный опыт, фокус внимания, эмоциональное состояние, энциклопедические знания.

А.П. Мартинюк. Когнітивно-комунікативна лінгвістика: в пошуках базових принципів і методик аналізу. У статті розглядаються теоретико-методологічні принципи й інструменти когнітивного аналізу міжособистісної комунікативної взаємодії. Основне теоретичне положення полягає в тому, що лінгвістичні дослідження міжособистісної комунікації як когнітивного процесу повинні спиратися на теорію динамічного конструювання значення. При цьому крім енциклопедичного знання, такі дослідження повинні враховувати й інші психічні параметри, що впливають на процес конструювання, – емоційний, перцептивний, волевиявлення, а також фокус уваги комунікантів. У якості інструмента когнітивного аналізу комунікативної взаємодії пропонується інференційний аналіз, який передбачає прогнозування інференцій комунікантів. Інференція тлумачиться як продукт динамічного конструювання значення одиниці мови в акті комунікативної взаємодії. У процесі прогнозування інференцій враховуються як лінгвальні, так і екстралінгвальні (психічні) параметри, що об'єктивуються у вербальних / невербальних висловленнях, – когнітивний (енциклопедичне знання), афективний (емоційний стан), перцептивний (безпосередній перцептивний досвід), волевиявлення (бажання комунікантів, мотивовані соціально-біологічними потребами), а також фокус уваги комунікантів.

Ключові слова: волевиявлення, динамічне конструювання значення, емоційний стан, енциклопедичне знання, інференційний аналіз, когнітивно-комунікативна лінгвістика, перцептивний досвід, фокус уваги.

A.P. Martynyuk. Cognitive-communicative linguistics: in search of basic principles and tools of analysis. The article focuses on methodology and tools of the cognitive approach to the study of communication. Its central assumption is that analysis of interpersonal communication as a cognitive process needs to be based on the theory of dynamic meaning construal but, besides the impact of encyclopaedic knowledge, it should also take into account other psychological factors that influence constructive processes – emotional, perceptive, volitional and attentional. The article offers a tool of a cognitive linguistic study of interpersonal communication, i.e. inference prediction analysis. The inference is viewed as a product of the socioculturally situated cognitive process of constructing meaning. Inference prediction analysis takes into account linguistic and non-linguistic (psychological) factors that govern construction of meaning and are objectified in verbal/non-verbal utterances of the communicants. The non-linguistic (psychological) factors accounted for in the inference prediction analysis include encyclopaedic knowledge, emotional state, immediate perceptive experience, volitional attitudes motivated by social and biological needs and the focus of attention patterns of the communicants.

Key words: attention focus, cognitive-communicative linguistics, dynamic meaning construal, emotional state, encyclopaedic knowledge, immediate perceptive experience, inference prediction analysis, volitional attitudes.

1. Вступление

Как следует из названия, **цель** данной статьи состоит в решении двух взаимосвязанных **задач**: теоретическом осмыслении эпистемологической проблемы метода когнитивно-коммуникативных исследований, и конкретизации метода в осязаемых единицах и процедурах лингвистического анализа.

Актуальность статьи обуславливается необходимостью систематизировать материал, накопившийся в связи с появлением все большего количества работ, относимых авторами к когнитивно-коммуникативным, и определить принципы лингвистического анализа, отвечающие когнитивно-коммуникативной онтологии языка.

Соответственно, **объектом** статьи являются основополагающие теоретико-методологические принципы когнитивно-коммуникативных исследований языка, а **предметом**, – воплощение этих принципов в конкретных единицах и процедурах лингвистического анализа.

Теоретический материал статьи представлен работами в сфере когнитивной лингвистики и теории коммуникации, критический анализ которых лег в основу определения теоретико-методологических принципов когнитивно-коммуникативных исследований, а **эмпирический материал**, необходимый для разработки и описания единиц и процедур когнитивно-коммуникативного анализа, составили фрагменты устной неофициальной коммуникации, смоделированной в англоязычных игровых кинофильмах.

2. Базовые теоретико-методологические принципы когнитивно-коммуникативной лингвистики

Необходимо признать, что в настоящий момент эпистемологическая база когнитивно-коммуникативных исследований находится в зачаточной стадии формирования. Практически невозможно назвать работы, которые бы в полной мере опирались на когнитивные принципы и методики анализа в исследовании коммуникативных процессов.

В когнитивной лингвистике естественный семиозис описывается в терминах **динамического конструирования значения**, т.е. психического процесса, в котором единицы языка, *вокализируемые* в акте употребления (usage event) служат «подсказками» для *концептуализации*, т.е. когнитивных операций инференционной природы на основе широких энциклопедических знаний. Полученное инференционное знание (purport) отображает весь предшествующий опыт конструирования смысла единицы языка в актах ее употребления и модифицируется здесь и сейчас под влиянием вновь приобретаемого опыта [Croft, Cruse 2004: 101]. Инференции делаются с учетом конвенционального концептуального

содержания, активируемого единицей языка («лексического концепта»), энциклопедических знаний, частью которых есть это конвенциональное концептуальное содержание, а также всех параметров контекста, влияющих на конструирование смысла единицы языка в акте ее употребления [там же: 98–102].

Такой взгляд на естественный семиозис был впервые высказан в [Moore, Carling 1982] и поддерживается многими когнитивистами (см., например, [Croft, Cruse 2004: 98; Fauconnier 1994; Lakoff, Sweetser 1994: ix–xlvi; Langacker 1987: 155–156; Langacker 2001: 144–146; Turner 1991: 206]).

Теория динамического конструирования значения отвечает на вопрос о природе значения как *достояния индивидуального сознания*. Еще более важным для когнитивно-коммуникативного понимания языка представляется акцентирование «интерсубъективной природы языкового значения» как *достояния взаимодействующих сознаний*. Такая трактовка характерна для представителей психолингвистики [Залевская 2005], а также интеграционной лингвистики [Кравченко 2006; Harris 1997], определяющих значение как когнитивный феномен, порождаемый областью когнитивных взаимодействий организмов (сознаний) «в универсуме интерсубъектного дискурса» [Кравченко 2006: 153].

Взгляд на язык как «определенный вид совместной деятельности, интегрированной в комплекс когнитивных процессов сложной динамики» [Кравченко 2009: 63] и, соответственно, на коммуникацию как «усилия по установлению общих ориентиров в той или иной ситуации взаимодействия» [Кравченко 2006: 153], направленные, в конечном итоге, на сохранение экологической системы «организм – мир» [Järvillehto 1999], обосновывает безусловную *целенаправленность / мотивированность и регулятивность коммуникативного (взаимо)действия*.

Речь идет не об интенциональном речевом воздействии, а о *регулятивной природе языка-коммуникации* [Мартинюк 2004: 12] как совместной человеческой деятельности, порождающей разум [Щедровицкий 2005: 305], т.е. свойство извлекать информацию из окружающего мира и использовать ее *себе на благо* [Кравченко 2009: 58].

В таком толковании коммуникативная деятельность *ингерентно стратегична*, поскольку она всегда подчинена целям, мотивированным исконными социально-биологическими потребностями человека.

Этот взгляд вводит в фокус внимания исследователей коммуникации *стратегию*, придавая ей статус базового понятия коммуникации и единицы структурирования коммуникативной деятельности.

В этой связи нельзя обойти вниманием шаги, предпринимаемые для обоснования когнитивного статуса стратегии. В когнитивно-коммуникативном ракурсе стратегию определяют в терминах коммуникативного намерения говорящего, сформированного на основе общего коллективного знания о способах поведения в обществе; оценивания намерения как адекватного достижению желаемых социально значимых целей общения в его конкретный момент; реализации намерения вербальными способами; осмысления этой реализации всеми участниками коммуникации [Фролова 2009: 107].

Такое понимание акцентирует *когнитивные основания коммуникативного действия / взаимодействия*.

Разумеется, когнитивные основания коммуникативной стратегии включают не только энциклопедические знания, необходимые для формирования социально значимых коммуникативных намерений (побудить аудиторию к голосованию за определенного политика / покупке товара и т.д.). Не меньшая роль принадлежит и «инструментальным» знаниям способов достижения этих социально значимых намерений (повествование, описание, объяснение, аргументация и т.п.), и, конечно же, языковым знаниям, обеспечивающим поиск и комбинирование разноуровневых единиц языка, необходимых для реализации этих намерений.

При этом важно уяснить, что когнитивно-коммуникативный подход требует отказа от толкования стратегии как воплощения некоего предварительно выработанного «плана действия» (эта точка зрения представлена в [Иссерс 2002] и др.).

Подобные представления с необходимостью предполагают, что коммуникативная деятельность находится под контролем сознания, и потому не совместимы с объяснительным принципом взаимоотношения языкового и когнитивного в естественном семиозисе, созвучным когнитивно-коммуникативной онтологии языка.

Суть этого принципа состоит в том, что в фокусе внимания субъекта речемыслительной деятельности находится смысл сообщения, в то время как средства выражения этого смысла функционируют как автоматически задаваемый языковой механизм [Залевская 2005: 240]. «И мы можем задавать языковой механизм, действующий автоматически, именно потому, что условие извлечения информации, лежащее в сознании, вытеснено действием самого этого механизма» [Мамардашвили, Пятигорский 1999: 93].

Соответственно, стратегию, вероятно, следует представлять в терминах паттернов *коммуникативного поведения, связанных с решением задач, возникающих по ходу разворачивания коммуникативного взаимодействия* – в текущий момент реального времени, и *контролируемых сознанием лишь на уровне рациональной оценки происходящего*.

В советской лингвистике задача разработки лингвистических моделей класса «мысль – сообщение» была поставлена еще в начале 80-х годов прошлого века: «мысль должна быть противопоставлена смыслу как интеллектуальный стимул, стартер динамически развивающегося во времени акта <...> окончательному результату, продукту этого акта» [Кибрик 1983: 32]. Основным условием построения такого рода моделей было принятие гипотезы, согласно которой семантические представления есть лишь «тени лежащих в их основе мыслительных структур» [там же].

Эта гипотеза зеркально отражает базовый постулат когнитивной лингвистики о языковом значении как продукте концептуализации. Вместе с тем, в свое время, рассматривая возможность применения такого инструмента когнитивного анализа, как фрейм, в исследовании речевых стратегий, О.С. Иссерс усматривала проблему в том, что «далеко не полностью выявлены связи между фреймом, с одной стороны, и такими традиционными лингвистическими категориями, как значение слова, значение предложения, значение грамматической категории, – с другой. Мало изучены возможности применения семантики фреймов в прагматическом анализе» [Иссерс 2002: 92].

Когнитивная лингвистика предлагает варианты решения этих задач.

В представлении когнитивистов, энциклопедические знания делятся на декларативные («знания ЧТО») и процедурные («знания КАК») (см. [Anderson 1983] и др.).

«Знания ЧТО» организованы с помощью схемных структур (доменов / фреймов и образ-схем). Концептуализация базируется на базовых доменах (ПРОСТРАНСТВО, ЦВЕТ, ЗВУК / ВЫСОТА ТОНА, ТЕМПЕРАТУРА, БОЛЬ, ЗАПАХ, ВРЕМЯ, ЭМОЦИЯ) и образ-схемах (НИЗ-ВЕРХ, ЛЕВОЕ-ПРАВОЕ, БЛИЗКОЕ-ДАЛЕКОЕ, ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ, КОНТЕЙНЕР, ДВИЖЕНИЕ, МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ и т.п.), укорененных непосредственно в телесном перцептивном (сенсомоторном) и интроспективном опыте человека. Однако, как отмечает Р. Ленекер, в большинстве случаев, эта «укорененность» (grounding) не прямая: посредниками выступают промежуточные концептуальные структуры – абстрактные домены [Langacker 1987: 149–150].

Понятие абстрактного домена (КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РИСК, ПОЛИТИКА, СПОРТ и т.п.) соотносимо с понятием фрейма. И нередко термины «домен» и «фрейм» употребляются как синонимы.

И теория фреймов Ч. Филлмора, и теория доменов Р. Ленекера отражают основополагающий принцип когнитивной лингвистики: «лексический концепт»,

активируемый единицей языка, можно осмыслить только на фоне структур энциклопедических знаний, частью которых он является [там же: 152].

В рамках теории доменов упоминаемая О.С. Иссерс проблема связи между схемной структурой и значением слова / предложения-высказывания объясняется соотношением профиля (profile) и базы (base). Профилем называют «лексический концепт», актуализируемый единицей языка, а базой – домен или матрицу доменов, необходимых для понимания этого концепта; при этом «семантическая значимость единицы языка не конституируется отдельно ни профилем, ни базой, она заключается только в их комбинации» [там же: 183].

В теории фреймов, где фрейм определяется как «система концептов, связанных таким образом, что для понимания одного из них необходимо понять всю структуру, в состав которой они входят» [Fillmore 1982: 111], для размежевания «лексического концепта», актуализируемого единицей языка, и энциклопедических знаний, необходимых для его осмысления, используются термины «фигура» (figure) и «фон» (ground) [Fillmore 1985].

«Знания КАК» структурируются с помощью «динамической» разновидности семантического фрейма – сценария (script / speech event frame). Сценарий моделирует информацию, касающуюся стереотипных повседневных ситуаций [Croft, Cruse 2004: 151] «с учетом последовательности событий в рамках определенного контекста» [там же]. Этот тип фрейма «схематизирует знания относительно типов интеракционного контекста, влияющих на интерпретацию и выбор лексических единиц и грамматических конструкций» [Evans, Green 2006: 228]; а также относительно стилей и регистров речи [там же]. Кроме того, знания, организуемые сценарием, как правило, культурно специфичны [там же].

В лингвокультурологии знания, составляющие ментальный коррелят коммуникативной стратегии, называют поведенческими концептами и схемно представляют в виде фрейма-сценария [мотив – интенция – оценивание параметров ситуации – выбор языковых / неязыковых средств – совершение соответствующего речевого / коммуникативного акта] [Чесноков 2009]. Эта структура представляет собой не более чем схематизированный перечень компонентов коммуникативных событий, включая конфигурации коммуникативных действий.

Кроме моделей организации энциклопедических знаний, строящихся на основе пропозициональных (ДОМЕН/ ФРЕЙМ (ПРОПОЗИЦИЯ)/ СЦЕНАРИЙ) и образ-схемных структур (ОБРАЗ-СХЕМА), используются прототипные (ПРОТОТИПНАЯ КАТЕГОРИЯ (ПРОТОТИП)/ РАДИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ (ИДЕАЛИЗИРОВАННАЯ КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ)), а также метафорические и метонимические модели (ДОМЕН) [Lakoff 1987]. При этом акцентируется, что целостный смысл концептуальной структуры корреспондирует с ГЕШТАЛЬТНЫМ (комплексным симультанным) способом интерпретации действительности [Langacker 1987: 371].

Показательно, однако, что на практике объяснительный потенциал этих моделей, как правило, используется для описания абстрактных, вырванных из контекста конструкций, придуманных самими же авторами (как это делают Дж. Лакофф и М. Джонсон в трудах по когнитивной метафоре (см. например, [Lakoff, Johnson 1980]) или Р. Ленекер в когнитивной грамматике [Langacker 1987]).

На роль структуры, объясняющей конструирование смысла высказываний в акте коммуникативного взаимодействия, претендуют ментальные пространства Ж. Фоконье [Fauconnier 1997]. Процесс конструирования включает построение ментальных пространств и установление проекций между ними. Описание построения проекций между ментальными пространствами (mappings) представляет собой довольно трудоемкую задачу, включающую множество деталей, которые постоянно пополняются автором в более поздних публикациях, а также в совместных трудах с М. Тернером по теории концептуальной интеграции. Я не стану здесь останавливаться на всех деталях проектирования, а сосредоточу внимание

на тех особенностях ментальных пространств, которые представляются ключевыми для понимания когнитивных оснований коммуникативной деятельности.

По определению Ж. Фоконье, ментальные пространства представляют собой «партитивные структуры, формирующиеся в ходе нашей ментальной и речевой деятельности и обеспечивающие мелкозернистое структурирование нашего дискурса и структур знаний» [Fauconnier 1997: 11].

Ментальные пространства конструируются в соответствии с потребностями разворачивающейся коммуникации и представляют собой уникальные динамичные (temporary) пакеты концептуальных структур, привлекаемых для решения когнитивных задач в конкретный момент реального времени в конкретном коммуникативном контексте.

Важно также, что по ходу разворачивания коммуникации ментальные пространства, объединенные селективными проекциями общих элементов, образуют между собой многочисленные и сложно переплетающиеся концептуальные сети (lattices). Это позволяет индивидам возвращаться к сконструированным ранее ментальным пространствам и переосмысливать структурируемый ими опыт под влиянием нового опыта.

Идея обратного проектирования (backward projection) получила развитие в теории концептуальной интеграции. Обратное проектирование здесь мыслится как ситуативно привязанный когнитивный процесс, состоящий в проектировании концептуальных структур интеграционного ментального пространства (бленда) в обратном направлении – в исходные ментальные пространства и переосмысливании структур этих пространств в контексте широкого энциклопедического знания под влиянием вновь приобретенного опыта [Fauconnier, Turner 2002: 333]. Продуктом такого переосмысливания является так называемая эмергентная концептуальная структура, т.е. качественно новое инференционное знание.

В качестве примера такой эмергентной структуры приводится категория PET FISH [Fodor, Lepore 1996], представляющая собой не просто сумму признаков двух категорий, а продукт селективного проектирования определенных признаков двух категорий в интеграционное пространство (бленд) и последующей когнитивной интеграции этих признаков в интеграционной сети (integrational networks).

Однако, опять-таки, на практике и модель концептуальной интеграции ментальных пространств используется для анализа уже существующих в языке устойчивых выражений, как например, *grim reaper*, или же абстрактных предложений / последовательностей предложений, придуманных самими авторами (см. [Fauconnier, Turner 2002]).

Кроме того, если роль рациональной сферы сознания в акте концептуализации получает довольно подробное освещение в работах представителей когнитивной лингвистики, то роль перцепции и эмоций практически остается «за кадром».

Уточню, что в данный момент речь идет о факторах, участвующих в *контекстуальной интерпретации языковой единицы в акте употребления*, а не об онтологической природе концептуальных структур, истолковываемой в терминах *телесной воплощенности*, т.е. укорененности непосредственно в сенсорном и интроспективном опыте человека, что, разумеется, предполагает учет указанных факторов.

В то же время, логично предположить, что «концептуальная сеть», обеспечивающая коммуникативную деятельность, с необходимостью включает не только когнитивный опыт (т.е. знания разного типа), но также и перцептивный, и аффективный опыт, несомненно, участвующий в инференционной деятельности.

К такому выводу подталкивают теории представителей смежных с когнитивной лингвистикой дисциплин. Прежде всего, теория семантических констелляций психолога и антрополога К. Харди. Семантические констелляции здесь мыслятся как динамические сети значений, организованные по принципу ядра (центрального значения) и связывающие в единую динамическую систему концепты, ощущения, воспоминания, переживания, слова, идеи, образы, звуки, цвета, жесты, паттерны поведения и настроения, возникающие

в сознании индивида в процессе общения при фокусировании внимания на каком-то объекте [Hardy 1998]. И, конечно же, концепция памяти А.А. Залевской, где память человека определяется как единая база опыта – перцептивного, когнитивного, аффективного; вербального и не поддающегося вербализации; осознаваемого и неосознаваемого [Залевская 2005: 418–436].

Очевидно также, что, помимо знаний, ощущений и эмоций, *в инференционной деятельности должна участвовать и воля*, т.к. способность принимать решения составляет неотъемлемое свойство человеческой психики, наряду со способностями рационально мыслить и чувствовать.

Между тем, роль волеизъявления в контекстуальной интерпретации смысла единицы языка в акте употребления вообще остается за пределами сферы внимания когнитивных лингвистов.

И, конечно же, представляется важным учитывать *фактор фокусировки внимания в инференционной деятельности*. В интерпретации когнитивистов внимание представляет собой сложный психический феномен, моделирующийся в терминах степени активации концептуальных структур нейронной сети, представляющей собой гипотетическую модель мозга [Croft, Cruse 2004: 134]. По определению У. Чейфа, внимание есть фокусом сознания (the focus of consciousness) [Chafe 1994: 26–30]. Следовательно, инференции коммуникантов во многом зависят от того, на каких вещах фокусируется их внимание в акте коммуникации.

Для обеспечения коммуникативного взаимодействия «концептуальная сеть» как модель нейронной сети мозга, производящей и обрабатывающей огромное количество логически связанных электрохимических импульсов, конечно же, не может быть стабильным образованием, хранящимся в памяти и ожидающим активации в готовом виде.

Более адекватным представляется толкование ее как *структуры, образующейся/преобразующейся непосредственно в момент активации с целью обеспечения конкретных задач коммуникативной деятельности*.

Отдавая себе отчет в том, что в настоящий момент подавляющее большинство теоретических посылок о природе нейрофизиологических процессов, обеспечивающих познавательную и языковую деятельность, имеют статус научных гипотез, интуитивно поддерживаю гипотезу параллельного распределения процессов обработки данных (parallel distributed processing) ([McClelland e.a. 1986; Clark, Chalmers 1998] и др.) как отвечающую когнитивно-коммуникативной онтологии языка.

Благодаря идее параллельного распределения процессов обработки данных, репрезентации концептуальных структур не рассматриваются как постоянные величины, записанные в нейронной сетке в виде отдельных узлов сети, активируемых единицей языка «в готовом виде». Именно так выглядит картина обработки информации в ранних локалистских моделях, ориентированных на символичные репрезентации (см., например, [Anderson, Bower 1973]). С точки зрения более поздних коннекционистских моделей, концептуальные структуры возникают благодаря постоянной активации взаимосвязанных элементов нейронной сети и представляют собой совокупность связей (коннекций – от англ. connections), каждая из которых поддается интерпретации не в отдельности, а только лишь как часть определенной совокупности таких коннекций. Причем, часть коннекций возникает вследствие сигналов извне, а часть – как результат связей между нейронами в самой сети. Другими словами, нейронные сети мозга способны к обучению, т.е. приобретению новых моделей поведения в ответ на внешние возбудители.

Каждый последующий опыт взаимодействий человека со средой усложняет его когнитивную область с учетом предыдущего опыта. Структура нервной системы «меняется в зависимости от потока меняющихся отношений в жизни организма в процессе поддержания этой жизни. При этом то, что происходит в языке, <...> становится также

частью области трансформаций человеческой нервной системы, вызывая то, что нам представляется как взаимная модуляция разума и тела» [Кравченко 2009: 63].

Подытоживая, остановлюсь на положениях, которые принимаются в качестве базовых теоретико-методологических принципов когнитивно-коммуникативных исследований и, соответственно, отправной точки в разработке когнитивно-коммуникативных методик анализа языка.

1. Коммуникативная деятельность ингерентно стратегична, поскольку она всегда подчинена целям, мотивированным исконными социально-биологическими потребностями человека.

2. Коммуникативную стратегию следует представлять в терминах паттернов коммуникативного поведения, связанных с решением задач, возникающих по ходу разворачивания коммуникативного взаимодействия – в текущий момент реального времени, и контролируемых сознанием лишь на уровне рациональной оценки происходящего.

3. Коммуникативное взаимодействие обеспечивается «концептуальной сетью», представляющей собой модель нейронной сети мозга. Смысл единицы языка, актуализирующийся в акте коммуникации, не заключен в самой единице языка. Роль единицы языка состоит в: а) активации конвенционального концептуального содержания («лексического концепта»), являющегося частью сложно организованной «концептуальной сети» и б) «запуске» когнитивных операций инференционной природы, позволяющих осмыслить это конвенциональное концептуальное содержание на базе «концептуальной сети». Смысл единицы языка, актуализирующийся в акте коммуникации, есть продуктом инференционной деятельности коммуникантов.

4. Продуктом инференционных операций, осуществляемых в ходе коммуникативной деятельности, есть не только достижение intersubjectivity или простыми словами взаимопонимания, но и новое знание, получаемое коммуникантами в результате переосмысления имеющейся информации на основе нового опыта, приобретаемого в каждом новом акте коммуникации.

5. Для реализации такого рода задач «концептуальная сеть» не может мыслиться как стабильное образование, хранящееся в памяти и ожидающее активации в «готовом виде». Более адекватным представляется толкование ее как структуры, образующейся/преобразующейся непосредственно в момент активации с целью обеспечения конкретных задач коммуникативной деятельности в реальном времени.

6. «Концептуальная сеть», обеспечивающая коммуникативную деятельность, с необходимостью включает не только когнитивный опыт (т.е. энциклопедические знания разного типа), но также и аффективный, перцептивный и волеизъявительный опыт, участвующий в инференционной деятельности. Характер инференционной деятельности также определяется фокусом внимания коммуникантов.

Разумеется, следует учитывать, что огромная часть инференционной деятельности протекает в подсознании, но лингвист, исследующий спонтанную коммуникацию, едва ли может получить доступ к таким структурам. Поэтому я буду говорить о том, что подлежит наблюдению и выявляется в процессе анализа.

3. Проблема когнитивно-коммуникативных методик анализа

В соответствии с изложенными выше принципами, когнитивно-коммуникативный подход требует применения методик анализа, способных учесть, прежде всего, когнитивный, а, по возможности, и аффективный, перцептивный и волеизъявительный опыт, обеспечивающий коммуникативную деятельность, а также фактор фокусировки внимания коммуникантов.

Как показывают результаты пилотных исследований, эти задачи способен решить *инференционный анализ коммуникативного взаимодействия*.

В первоначальном варианте эта методика была предложена в 2004 году [Мартинюк 2004] (первоначальное название – «методика когнитивно-дискурсивной интерпретации») для исследования прагматического потенциала гендерно маркированных единиц языка, оказывающих регулирующее воздействие на социальное и коммуникативное поведение личности путем насаждения гендерных стереотипов. Затем данная методика получила развитие и апробацию в исследованиях аспирантов, где она применялась для изучения дискурсивной реализации концептов, коммуникативных неудач и, наконец, вербального и невербального воплощения коммуникативных стратегий.

Суть методики довольно проста: исследователь становится участником коммуникации, выступая в роли интерпретатора реального или же смоделированного коммуникативного взаимодействия. Однако в отличие от обычного участника коммуникации, исследователь «вооружен» инструментами научного анализа.

Центральным инструментальным понятием есть понятие *инференции*. *Инференции* истолковываются не в логико-прагматическом смысле – как формально-логические дедуктивные выводы (см., например, [Brown, Yule 1983: 34]) или же вероятностно-индуктивные догадки [там же], сопровождающие «декодирование» языковых единиц, а в когнитивно-коммуникативном смысле. Как *когнитивные операции получения интроспективного выводного знания в акте коммуникативного взаимодействия и как продукт таких операций – выводное знание* [Мартынюк 2012: 27] (как, собственно, участника анализируемого акта коммуникации, так и исследователя).

Именно такое содержание вкладывается в этот термин представителями когнитивной лингвистики, утверждающими, что смысл единицы языка, конструирующийся в акте ее употребления, представляет собой не что иное, как знание инференционной природы.

Цель исследователя состоит в выявлении / прогнозировании инференций коммуникантов, производимых с опорой на когнитивный, аффективный, перцептивный и волеизъявительный опыт в ходе воплощения тех или иных стратегических целей в конкретных пространственно-временных координатах при совместном фокусировании внимания на определенном объекте/референте, и проявляющихся (эксплицитно или имплицитно) в их вербальных и/или невербальных высказываниях.

Ключевой единицей анализа коммуникативного взаимодействия с применением данной методики является *акт когнитивно-коммуникативного взаимодействия*. Такой акт включает вербальное и / или невербальное высказывание, воплощающее ту или иную стратегическую коммуникативную цель, и *включенное в интерактивный лингвальный, а также экстралингвальный контекст*. Параметры лингвального и экстралингвального контекста акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия определяют как характер вербального / невербального воплощения стратегической цели субъектом, так и характер ее интерпретации и реакции на нее коммуникативного партнера, мотивированного собственной стратегической целью.

Что касается структурной организации акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, она вполне соизмерима с моделью структурной организации акта коммуникации, принятой в конверсационном анализе (см., например, [Coulthard 1977: 25] и др.), поскольку последняя акцентирует его интерактивную природу. В структурном плане акт когнитивно-коммуникативного взаимодействия представляется как обмен коммуникативными ходами, т.е. вербальными / невербальными действиями коммуникантов, приводящими к реализации той или иной коммуникативной цели и продвигающими коммуникативное взаимодействие к достижению такой цели. Коммуникативные ходы могут состоять из одного или нескольких высказываний.

Процессуальность, стратегичность, интересубъектная природа, а также контекстуальная обусловленность акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия высвечивают его преимущества как единицы структурирования и анализа коммуникации.

Критика речевого акта, претендующего на этот статус, как раз и связана с тем, что понятие «речевой акт»: 1) не отображает интересубъектной природы коммуникации (речевой акт, определяющийся исключительно намерениями говорящего, выводит из фокуса внимания распознавание коммуникативных намерений слушателя); 2) игнорирует «динамическую и стратегическую сущность естественного речевого общения» (речевые акты выделяются без учета динамики «точки зрения коммуникантов», выявляющейся при разворачивании коммуникативных структур); и, главное, – 3) не в полной мере учитывает роль контекста [Франк 1985: 364–368].

Полагаю, что в когнитивно-коммуникативном исследовании термин «контекст» должен относиться ко всем поддающимся учету параметрам акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, которые могут влиять на производство / интерпретацию инференций.

Предпринимая попытку систематизации параметров контекста акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, разграничиваю *перцептивный* и *психический контекст*.

Перцептивный контекст охватывает всю лингвальную и экстралингвальную информацию, поступающую через сенсорные каналы в момент коммуникации.

Лингвальная перцептивно воспринимаемая информация ограничена двумя сенсорными каналами: слуховым (звуки – устный текст) и зрительным (буквы – письменный текст). Разумеется, в устной коммуникации приоритетным является слуховой канал. Лингвальная информация репрезентирует *референтную ситуацию*.

Экстралингвальная перцептивно воспринимаемая информация не имеет сенсорных ограничений, но, как правило, включает, прежде всего, зрительно воспринимаемые параметры акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, конституирующие *коммуникативную ситуацию*: место и время интеракции, собственно, коммуникантов (говорящего и воспринимающего/-их), их количество, физические и статусно-ролевые характеристики, физическое и психическое состояние, и, конечно же, их *невербальные коммуникативные действия*.

Параметры перцептивного контекста могут влиять на инференционную деятельность, лишь становясь частью психического контекста акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, т.е. опыта интерпретатора, приобретаемого, как в процессе социализации, так и здесь и сейчас в акте коммуникации.

В концепции Р. Ленекера информация, называемая здесь психическим контекстом, интерпретируется в терминах когнитивных доменов (cognitive domains), активируемых языковой единицей и служащих базой (base) для ее понимания в акте употребления (usage event), т.е. в реальных высказываниях в реальном дискурсивном контексте (actual utterances in an actual discourse context) [Langacker 2001: 146]. Такие домены называются динамичными дискурсивными пространствами (current discourse spaces) и определяются как «ментальные пространства, вмещающие те элементы и отношения, которые конструируются как общие для говорящего и слушающего, и служат базой для коммуникации в конкретный момент течения дискурса» [там же: 144].

Динамичные дискурсивные пространства включают информацию о речевом контексте (speech context) акта употребления единицы языка. Речевой контекст трактуется широко – как все физические, ментальные, социальные и культурные обстоятельства, связанные с актом употребления единицы языка [там же: 145]. Ядро информации о речевом контексте составляет грунт (ground), т.е. информация о составляющих коммуникативной ситуации. Кроме осмысления речевого контекста динамичные дискурсивные пространства включают общие знания коммуникантов (a body of knowledge presumed to be shared and reasonably accessible) [там же]. Еще одним компонентом является информация, касающаяся осмысления коммуникантами процесса разворачивания дискурса, включая серию предыдущих и последующих актов употребления [там же].

Акты употребления характеризуются как биполярные события. И говорящий и воспринимающий выполняют два рода коммуникативных действий: *вокализацию* и *концептуализацию*. Каждый полюс имеет свои каналы (channels). Каналы вокализации (интонация и жест) сегментируют поток речи. Каналы концептуализации представляют объективную ситуацию (objective situation) и включают информационную структуру (information structure): эмфазу, тему дискурса, известную / новую информацию; и структуру организации дискурса (speech management): очередность говорения [там же: 146].

И вокализация, и концептуализация предполагают фокусировку внимания говорящего и воспринимающего на одном и том же объекте. Метафорически фокусировка внимания описывается как «взгляд на мир через окно» или фрейм обзора (viewing frame) [там же: 145]. Непосредственная сфера внимания (immediate scope) ограничивается этим фреймом. И фокус этой сферы внимания составляет содержание, профилируемое единицей языка (what the expression profiles (i.e. designates)) [там же].

Информация, о которой идет речь в концепции Р. Ленекера, составляет частичное содержание всего лишь двух параметров *психического контекста* акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия. Эти параметры я называю *когнитивным* и *параметром фокусировки внимания*.

Что касается *когнитивного параметра* психического контекста акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, он включает знания разных типов, получаемые из разных источников.

В системе понятий Р. Ленекера энциклопедические знания описываются в терминах четырех оппозиций: 1) конвенциональные/conventional (разделяемые большинством членов лингвокультуры) :: неконвенциональные/non-conventional; 2) общие/genetic (информация о свойствах, присущих большинству членов категории) – специфичные/specific; 3) сущностные/intrinsic (информация об ингерентных свойствах сущности) – несущностные/non-intrinsic; 4) характеризующие/characteristic (информация о свойствах, уникальных для данной сущности) – нехарактеризующие /non-characteristic [Langacker 1987: 159–161]. Различия поясняются такими примерами. Информация о том, что у двух коллег Р. Ленекера появилась аллергическая реакция на его кота, есть специфическим знанием, а информация о том, что у людей в принципе может возникать аллергия на кошек – общим. Форма является сущностным свойством физических объектов, поскольку не требует сравнения с другими объектами, как например, размер, относящийся к несущностным свойствам. Форма обладает большим характеризующим потенциалом в описании животных, нежели цвет, причисляемый к нехарактеризующим свойствам.

Релевантность той или иной информации в процессе интерпретации определяется в терминах «центральности». Р. Ленекер рассматривает центральность как вероятность актуализации того или иного смысла единицы языка в пределах определенного контекста. Центральность связана со степенью «выдвижения» определенных аспектов концептуального содержания, ассоциирующихся в сознании носителей языка с единицей языка. Вероятность активации того или иного концептуального содержания зависит от степени укорененности (entrenchment) концептуальной структуры в сознании коммуниканта и от лингвального и экстралингвального контекста, в котором употреблена языковая единица [там же: 159].

В акте употребления единицы языка центральность определяется соотношением четырех типов энциклопедического знания [там же: 159]. Наибольшую значимость имеет степень конвенциональности знаний. Другим по значимости фактором есть принадлежность знаний к общим, а не специфичным. В большинстве случаев сущностные, как и характеризующие знания, принадлежат к категории общих и конвенциональных [там же: 160].

Анализ коммуникации подсказывает необходимость классификации знаний и в зависимости от их предметного содержания. Согласно данному критерию, выделяются такие типы энциклопедических знаний:

а) онтологические – об устройстве бытия как собственно физического, так и социально-культурного;

б) аксиологические – ценностные ориентиры (как общечеловеческие, так и лингвокультурные); аксиологические знания воплощаются в рациональных оценках (например, эстетической: «красивое» :: «уродливое») и нормах (этологических – нормах социального поведения (этических/утилитарных) и лингвоэтологических – нормах коммуникативного поведения в разнообразных коммуникативных событиях) (см. [Мартынюк 2015]).

Разумеется, в процессе инференционного анализа необходимо учитывать, что все эти виды знаний гештальтно функционируют в коммуникативной деятельности и могут быть осмыслены только в терминах континуума, односубстратные элементы которого различаются разной степенью проявления неких общих характеристик.

Итак, *когнитивный параметр психического контекста* акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия включает:

1) онтологические и аксиологические энциклопедические знания, составляющие фон для профилирования «лексического концепта», активируемого единицей языка в акте употребления (в рамках высказывания); эти знания относятся к референтной ситуации; сюда же относятся знания, полученные из более широкого лингвального контекста, включающего всю предшествующую интеракцию;

2) онтологические и аксиологические энциклопедические знания о компонентах коммуникативной ситуации, активируемые параметрами экстралингвального перцептивного контекста;

3) (лингво)этологические знания моделей социального и коммуникативного поведения в рамках разнообразных коммуникативных событий с учетом определяющих для этих событий мотивов и стратегических коммуникативных целей; сюда же относятся «инструментальные» знания способов достижения стратегических целей; именно эти знания позволяют не только учитывать предыдущие высказывания, но и прогнозировать последующие;

4) лингвальные знания, функционирующие как неосознаваемый механизм, запускаемый в действие коммуникативными целями и обеспечивающий поиск и комбинирование разноуровневых единиц языка, необходимых для реализации этих целей, и, наконец, осуществляющий вокализацию высказываний.

В предлагаемой здесь интерпретации *психический контекст* акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия включает не только *энциклопедические знания (когнитивный параметр)* и *параметр фокусировки внимания*, о которых говорит Р. Ленекер, но и *эмоциональные переживания (аффективный параметр)* а также *волеизъявление субъекта, мотивирующее желание / нежелание реагировать на ситуацию определенным образом (волеизъявительный параметр)*.

Очевидно, что все названные параметры действуют симультанно, но в каждом конкретном акте коммуникации определяющим оказывается один из них.

Представляется, что выявить роль названных параметров можно в тех актах когнитивно-коммуникативного взаимодействия, где реализуются конфронтационные стратегии, как например, стратегия несогласия, или же имеют место коммуникативные неудачи. В таких актах возникает оппозиция знаний, аффективных состояний, перцептивных опущений, желаний, что и выдвигает все эти параметры в фокус внимания исследователя.

При этом в практических целях описания представляется удобным использовать наиболее простую и универсальную модель организации энциклопедических знаний, базирующуюся на фреймах/доменах и сценариях.

Роль *когнитивного параметра*, в частности *онтологических знаний*, в инференционной деятельности наиболее очевидна в тех случаях, где ясно

прослеживается несформированность того или иного «лексического концепта» в «концептуальной сети» одного из коммуникантов, что становится причиной коммуникативной неудачи. Например:

SHELDON: *I never eat in strange restaurants. One runs the risk of non-standard cutlery.*

RAMONA: *Excuse me?*

LEONARD: *Sheldon lives in fear of the three-tined fork.* (The Big Bang Theory: season 2, episode 6)

Рамона не понимает высказывания Шелдона, поскольку «книжная» лексема *cutlery* не активирует в ее памяти никакого «лексического концепта». Скорее всего, этот концепт вообще не сформирован. Во всяком случае, он не активируется его словарным обозначением. Это может объясняться спецификой сферы онтологических знаний, частью которой он является. В когнитивной лингвистике такого рода знания осмысливаются в терминах суперординатного уровня прототипной категории [Lakoff 1987]. Собственно, лексема *cutlery* есть именем категориального концепта суперординатного уровня прототипной категории **СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ**. А концепты суперординатного уровня не принадлежат к конвенциональному знанию, т.к. сформированы далеко не у всех членов лингвокультуры, в отличие от концептов базового уровня соответствующих категорий [там же].

Это предположение подтверждается тем, что Леонард, осознавая причину непонимания, объясняет смысл высказывания путем метонимической замены «книжной» лексемы *cutlery* нейтральной лексемой *fork*, обозначающей члена базового уровня той же категории и, соответственно, являющейся именем концепта базового уровня этой категории – **ВИЛКА**.

Подобным образом инференционный анализ позволяет выявить роль *аксиологических*, в частности, *этологических знаний* в конструировании смыслов языковых/речевых единиц в акте коммуникации:

Joey and Michael's house.

JOEY: *Hey, Michael. Who was that girl last night?*

MICHAEL: *I wasn't with a girl.*

JOEY: *No, the one I brought home. I can never remember her name.* (Joey: season 1, episode 11)

Майкл не может интерпретировать вопрос в соответствии с ожиданиями Джои, поскольку Джои выходит за рамки конвенциональных знаний этических норм домена / фрейма **МЕЖГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**. Не ожидается, что парень, пришедший домой с девушкой, станет спрашивать у друзей ее имя. Поэтому Майкл делает инференцию, более релевантную в данном контексте. Согласно этой инференции, речь идет о его собственной девушке.

В следующем акте коммуникации инференции коммуникантов опираются на *(лингво)этологические знания*:

GRACE: *Stop! Karen, how about some coffee?*

KAREN: *Oh, no, I had some on the way in. Thanks.* [beat] *Oh, you want some.*

Oh, devil! Oh! I need an assistant. All right, where is it? (Will and Grace: season 1, episode 3)

Карен, находящаяся в дружеских отношениях с Грейс, и, в то же время, работающая ее ассистентом, ошибочно интерпретирует вопрос Грейс как **ПРИГЛАШЕНИЕ ВЫПИТЬ КОФЕ**. Это происходит потому, что она ориентируется на сценарий коммуникативного события **РАЗГОВОР С ПОДРУГОЙ** (конвенциональные (лингво)этологические знания). В рамках этого сценария такая инференция является вполне релевантной. В то же время, Грейс, задавая вопрос, действует в рамках сценария **РАЗГОВОР С ПОДЧИНЕННЫМ**. И в рамках этого сценария от адресата ожидается инференция о том, что к ней обращаются с **ПРОСЬБОЙ СДЕЛАТЬ КОФЕ**.

Инференционный анализ также позволяет проследить взаимодействие когнитивного параметра с другими параметрами, в частности с *параметром внимания*:

Sheldon and Penny went to an *electrical store*.

RANDOM GUY: *Which hard drive do I want, firewire or USB?*

SHELDON: *It depends on what Bus you have.*

GUY: *I drive a Chevy Cavalier.*

SHELDON: *Oh, dear lord.* (The Big Bang Theory: season 1, episode 16)

Эта интеракция происходит в компьютерном магазине. Один из покупателей, Шелдон, мотивированный желанием помочь другому покупателю подобрать жесткий диск, спрашивает, какая шина (*Bus* – канал передачи информации) используется в его компьютере. Учитывая перцептивный контекст, в процессе построения вопроса адресант опирается на онтологические знания домена / фрейма КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, а также (лингво)этологические знания сценария РАЗГОВОР С НЕЗНАКОМЦЕМ В КОМПЬЮТЕРНОМ МАГАЗИНЕ.

Лексическая единица *Bus* активирует в сознании адресата более укорененный концепт АВТОБУС. Гипотетически, это можно объяснить недостатком онтологического опыта адресата в компьютерной сфере. Вместе с тем, с определенной долей вероятности, эту коммуникативную неудачу можно объяснить невнимательностью, т.е. отсутствием фокуса внимания адресата (возможно, его мысли заняты чем-то другим).

В любом случае, очевидно, что в своей инференционной деятельности адресат опирается на домен / фрейм ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА. Несовпадение ожидаемых инференций с реально произведенными приводит к коммуникативной неудаче.

Роль параметра внимания еще более очевидна в следующем акте:

JACK: *Are there any specific areas that are troubling you?*

KAREN: *Yeah. My marriage.*

JACK: *I mean your body, Karen.* (Will and Grace: season 1, episode 8)

С точки зрения Джека, этот акт когнитивно-коммуникативного взаимодействия разворачивается по сценарию коммуникативного события СЕАНС МАССАЖА. Соответственно, задавая вопрос пациентке, он соотносит словосочетание *any specific areas* с буквальным концептуальным содержанием ПРОБЛЕМНЫЕ УЧАСТКИ ТЕЛА (онтологические знания – домен ЛЕЧЕБНЫЙ МАССАЖ, (лингво)этологические знания – стереотипы социального и коммуникативного поведения, соответствующие коммуникативному событию СЕАНС МАССАЖА).

Карен интерпретирует этот вопрос в рамках сценария коммуникативного события СЕАНС ПСИХОАНАЛИЗА, соотнося языковое выражение *any specific areas* не с буквальным концептуальным содержанием ПРОБЛЕМНЫЕ УЧАСТКИ ТЕЛА, а с метафорическим – ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ БРАКА. Причина нерелевантной интерпретации состоит, конечно же, не в том, что у Карен не сформированы концепты соответствующих доменов, а в том, что в момент разговора ее мысли и эмоции заняты проблемами ее рушащегося брака, и она не может (или не хочет) сфокусироваться на предмете, задаваемом партнером по коммуникации.

Инференционный анализ также позволяет учесть роль *аффективного параметра* в инференционной деятельности:

Daphne and Niles were sitting at the fireplace. Niles has feelings for her.

DAPHNE: *Dr. Crane...*

NILES: [passionately] *Yes, Daphne?*

DAPHNE: *We're losing the fire.*

NILES: *No we're not, it's burning with the heat of a thousand suns!*

DAPHNE: [turning to the fire] *But it's down to its last embers!*

NILES: [calming down] *Well then... I'll put some wood on it!* (Frasier: season 1, episode 17)

Сидя у огня со своим другом Найлзом, Дафни хочет обратить его внимание на то, что огонь вот-вот погаснет. Соответственно, Дафни ожидает, что Найлз проинтерпретирует

ее высказывание как ПРОСЬБУ ПОДДЕРЖАТЬ ОГОНЬ. Найлз (в отличие от Дафни, не испытывающей к нему особых романтических чувств) влюблен в нее. И это аффективное состояние определяет характер его инференции. Он интерпретирует ее высказывание не в буквальном, а в метафорическом смысле как ОПАСЕНИЕ, ЧТО ИХ РОМАНТИЧЕСКАЯ СТРАСТЬ ВОТ-ВОТ УГАСНЕТ. Разумеется, аффективное состояние, переживаемое Найлзом, тесно взаимосвязано с параметром внимания, заставляя его сфокусироваться на переживаемом чувстве и вытесняя из фокуса внимания все другие объекты.

Предлагаемая методика также позволяет выявить роль *волеизъявительного параметра* в инференционной деятельности, который практически не упоминается в исследованиях коммуникации:

Rondall thought that Jill was hitting on him.

JILL: *Rondall, I'm sorry, but I'm gonna have to ask you to leave.*

RONDALL: *Oh, oh, that's good, that's good, that's good. You're pretending to throw me out because your husband can see us.* [Jill gets his briefcase and coat].

JILL: *No, I'm really throwing you out.* (Home Improvement: season 1, episode4)

Рондал уверен в том, что Джил им увлечена, и не хочет принимать во внимание ее протесты по поводу этой уверенности. Поэтому когда она просит его уйти, он делает инференцию, что она просто боится ревности мужа. Соответственно, коммуникативная неудача здесь есть следствием нежелания коммуниканта принять во внимания информацию, позволяющую ему сделать инференцию, релевантную в данном контексте.

Наконец, инференционный анализ выявляет и роль *перцептивного параметра*:

Chandler was talking to his mother and Joey was listening at the door when

Ross walked up.

JOEY: *He said "When are you gonna grow up and start being a mom?"*

ROSS: *Wow!*

JOEY: *Then she came back with "The question is, when are you gonna grow up and realise I have a bomb?"*

ROSS: *Okay, wait a minute, are you sure she didn't say "When are you gonna grow up and realise I am your mom?"*

JOEY: *That makes more sense.* (Friends: season 1, episode 11)

Подслушивая за дверью разговор Чендлера с матерью, Джои плохо слышит ее высказывание и делает ложную инференцию о том, что у нее есть бомба. Нерелевантная инференция порождается механическим шумом в слуховом сенсорном канале.

4. Выводы и перспективы

Создание когнитивно-коммуникативной эпистемологии требует учета следующих обстоятельств:

1. Объектом исследований языка, претендующих на статус когнитивно-коммуникативных, должно стать реальное (или смоделированное в мультимодальной среде) коммуникативное взаимодействие.

2. Методики когнитивно-коммуникативного анализа должны опираться на существующие когнитивные теории, отражающие представления о структурной организации когнитивной системы человека и принципах ее функционирования в процессах обеспечения коммуникативной деятельности.

3. Такому требованию отвечает инференционный анализ коммуникативного взаимодействия. Он базируется на понятии инференции как когнитивной операции получения интроспективного выводного знания в акте интерпретации высказывания и как продукта этой когнитивной операции. Инференции могут иметь когнитивную рациональную причинно-следственную основу, когда они делаются на основе энциклопедических знаний разного типа (онтологических, аксиологических, (лингво)этологических); аффективную

основу, когда они есть результатом определенного эмоционального состояния; волевою основу, когда они есть продуктом волеизъявления; перцептивную основу, когда они возникают как результат непосредственного сиюминутного перцептивного опыта. Кроме того, инференции зависят от фокуса внимания коммуникантов.

Усовершенствование процедуры инференционного анализа и применение его на более широком материале составляет **перспективу** дальнейших исследований в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : [избранные труды] / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
3. Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты / А.Е. Кибрик // Ученые записки Тартуского ун-та. – Тарту, 1983. – Вып. 621. Механизмы ввода и обработки знаний в системах понимания текста: Труды по искусственному интеллекту. – С. 24–39.
4. Кравченко А.В. Является ли язык репрезентативной системой? / А.В. Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – С. 135–156.
5. Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А.В. Кравченко // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство* : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 51–65.
6. Мамардашвили М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 216 с.
7. Мартинюк А.П. Конструювання гендеру в англомовному дискурсі : [монографія] / А.П. Мартинюк. – Харків : Константа, 2004. – 292 с.
8. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / А.П. Мартинюк. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 196 с.
9. Мартинюк А.П. Стратегия как базовый инструмент когнитивного анализа коммуникации / А.П. Мартинюк // *Записки з романо-германської філології*. – 2015. – Вип. 1(34). – С. 80–90.
10. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 363–373.
11. Фролова И.С. Стратегія конфронтації в англомовному дискурсі : [монографія] / И.С. Фролова. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – 344 с.
12. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Чесноков Иван Иванович. – Волгоград, 2009. – 44 с.
13. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия / Г.П. Щедровицкий. – М. : Наследие ММК, 2005. – 800 с.
14. Anderson J. *The Architecture of Cognition* / J. Anderson. – Cambridge, M.A. : Harvard University Press, 1983. – 345 p.
15. Anderson J.A. *Human associative memory* / J.A. Anderson, G.H. Bower. – Washington, DC : Winston and Sons, 1973. – 524 p.
16. Brown G. *Discourse analysis* / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
17. Chafe W. *Discourse, consciousness and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing* / W. Chafe. – Chicago : Chicago University Press, 1994. – 392 p.

18. Clark A. The extended mind / A. Clark, D. Chalmers // *Analysis*. – 1998. – Vol. 58, № 1. – P. 7–19.
19. Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis / M. Coulthard. – L. : Longman, 1977. – 195 p.
20. Croft W. Cognitive linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
21. Evans V. Cognitive linguistics: an introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
22. Fauconnier G. Conceptual projection and middle spaces [Electronic resource] / G. Fauconnier. – San Diego: University of California, Department of Cognitive Science Technical Report 9401, 1994. – Access : <http://www.blending.stanford.edu>.
23. Fauconnier G. Mappings in thought and language / G. Fauconnier. – Cambridge, U.K. : Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
24. Fauconnier G. The way we think : Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books; 2002, xvii + 440 p.
25. Fillmore Ch. Frame semantics / Ch. Fillmore // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL*. – 1981. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
26. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding / Ch. Fillmore // *Quaderni di Semantica*. – 1985. – № 6(2). – P. 222–253.
27. Fodor J. A. The red herring and the pet fish: why concepts still can't be prototypes / J.A. Fodor, E. Lepor // *Cognition*. – 1996. – 58. – P. 253–70.
28. Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter / C. Hardy. – Wesport, Connecticut; London : Praeger, 1998. – 217 p.
29. Harris R. From an integrational point of view / R. Harris // *Linguistics inside out: Roy Harris and his critics* / [ed. by G. Wolf, N. Love]. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – P. 229–310.
30. Järvilehto T. The theory of the organism-environment system: III. Role of efferent influences on receptors in the formation of knowledge / T. Järvilehto. // *Integrative Psychological and Behavioural Science*. – 1999. – 34. – P. 90–100.
31. Lakoff G. Women, fire and other dangerous things. What categories reveal about mind / G. Lakoff. – Chicago and London : Chicago University Press, 1987. – 614 p.
32. Lakoff G. Foreword to Gilles Fauconnier, *Mental Spaces* / G. Lakoff, E. Sweetser. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. ix–xlvi.
33. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – 242 p.
34. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar / R.W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – Vol. 1. Theoretical prerequisites. – 516 p.
35. Langacker R. Discourse in cognitive grammar / R. Langacker // *Cognitive Linguistics* 12. – 2001. – № 2. – P. 143–188.
36. McClelland J.L. The appeal of parallel distributed processing / J.L. McClelland, D.E. Rumelhart, G.E. Hilton // PDP Research Group. *Parallel Distributed Processing: Explorations in the microstructure of cognition*. – Cambridge, MA, 1986. – Vol. 1. – P. 3–44.
37. Moore T. Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics / T. Moore, C. Carling. – London : Macmillan, 1982. – 225 p.

REFERENCES

- Anderson, J. (1983). *The Architecture of Cognition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Anderson, J.A., & Bower, G.H. (1973). *Human associative memory*. Washington, DC: Winston and Sons.
- Brown, G., & Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Chafe, W. (1994). *Discourse, consciousness and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: Chicago University Press.
- Chesnokov, I.I. (2009). *Mest' kak jemocional'nyj povedencheskij koncept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisanija v kontekste russoj lingvokul'tury. Neopubl. avtoref. diss. doct. filol. nauk [Revenge as an emotional behavioural concept (a case of cognitive-communicative description in the context of Russian culture. Unpublished dr. philol. sci. diss. synopsis]*. Volgograd (in Russian).
- Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The extended mind. *Analysis*, 58(1), 7–19.
- Coulthard, M. (1977). *An Introduction to discourse analysis*. London: Longman.
- Croft, W., & Cruse, D.A. (2004). *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evans, V., & Green, M. (2006). *Cognitive linguistics: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Fauconnier, G. (1994). *Conceptual projection and middle spaces* (University of California Department of Cognitive Science Technical Report No. 9401). Available at: <http://www.blending.stanford.edu>
- Fauconnier, G. (1997). *Mappings in thought and language*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.
- Fauconnier, G., & Turner, M. (2002). *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books.
- Fillmore, Ch. (1985). Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 6(2), 222–253.
- Fillmore, Ch. (1982). Frame semantics. *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL*, Seoul, 111–137.
- Fodor, J.A., & Lepor, E. (1996). The red herring and the pet fish: why concepts still can't be prototypes. *Cognition*, 58, 253–270.
- Frank, D. (1985). Sem' grehov pragmatiki: tezisy o teorii rechevyh aktov, analize rechevogo obshhenija, lingvistike i ritorike [Seven sins of pragmatics: theses on speech act theory, conversational analysis, linguistics and rhetoric]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – New trends in linguistics abroad*, 17, 363–373 (in Russian).
- Frolova, I.Ye. (2009). *Stratehiya konfrontatsiyi v anhlomovnomu dyskursi [Strategy of confrontation in the English discourse]*. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina Publ. (in Ukrainian).
- Hardy, C. (1998). *Networks of meaning: A bridge between mind and matter*. Wesport, Connecticut; London: Praeger.
- Harris, R. (1997). From an integrational point of view. In: G. Wolf, & N. Love (Eds.). *Linguistics inside out: Roy Harris and his critics* (pp. 229–310). Amsterdam: Benjamins.
- Issers, O.S. (2002). *Kommunikativnye strategii i taktiki russoj rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]*. Moscow: URSS Publ. (in Russian).
- Järvilehto, T. (1999). The theory of the organism-environment system: III. Role of efferent influences on receptors in the formation of knowledge. *Integrative Psychological and Behavioural Science*, 34, 90–100.
- Kibrik, A.E. (1983). Lingvisticheskie postulyaty [Linguistic postulates]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. – Scientific papers of Tartu University*, 621, 24–39 (in Russian).
- Kravchenko, A.V. (2006). Javljaetsja li jazyk reprezentativnoj sistemoj? [Is language a system of representation?]. *Studia Linguistica Cognitiva*, 1, 135–156 (in Russian).
- Kravchenko, A.V. (2009). O tradicijah, jazykoznanii i kognitivnom podhode [About traditions, linguistics and cognitive approach]. In: *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo [Horizons of modern linguistics: Traditions and novelty]* (pp. 51–65). M.: Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.

- Lakoff, G. (1987). *Women, fire and other dangerous things. What categories reveal about mind.* Chicago and London: Chicago University Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by.* Chicago: Chicago University Press.
- Lakoff, G., & Sweetser, E. (1994). Foreword. In: G. Fauconnier. *Mental Spaces* (pp. ix–xvi). Cambridge: Cambridge University Press.
- Langacker, R. (2001). Discourse in cognitive grammar. *Cognitive Linguistics* 12(2), 143–188.
- Langacker, R.W. (1987). *Foundations of cognitive grammar. Theoretical prerequisites (Vol. 1.)*. Stanford: Stanford University Press.
- Mamardashvili, M.K. (1999). *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdenija o soznanii, simvolike i jazyke [Symbol and conscience. Metaphysical discussion about conscience, symbols and language]*. M.: Shkola: «Jazyki russoj kul'tury» Publ.
- Martynjuk, A.P. (2015). Strategija kak bazovyj instrument kognitivnogo analiza kommunikacii [Strategy as a basic instrument of cognitive analysis of communication]. *Zapysky z romanohermans'koyi filolohiji. – Notes in Romance and Germanic philology*, 1(34), 80–90 (in Russian).
- Martynyuk, A.P. (2004). *Konstruyuvannya henderu v anhlomovnomu dyskursi [Construction of gender in the English discourse]*. Kharkiv: Konstanta Publ.
- Martynyuk, A.P. (2012). *Slovyk osnovnykh terminiv kohnityvno-dyskursyvnoyi linhvistyky [A dictionary of terms of cognitive-discursive linguistics]*. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina Publ.
- McClelland, J.L., Rumelhart, D.E., & Hilton, G.E. (1986). The appeal of parallel distributed processing. *Parallel distributed processing: explorations in the microstructure of cognition*, 1, 3–44.
- Moore, T., & Carling, Ch. (1982). *Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics.* London: Macmillan.
- Shhedrovickij, G.P. (2005). *Myshlenie. Ponimanie. Refleksija [Thought. Understanding. Reflection]*. M.: Nasledie MMK Publ.
- Zalevskaja, A.A. (2005). *Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst. [Psychological studies. Word. Text]*. Moscow: Gnozis Publ.

Мартынюк Алла Петровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: allamart@list.ru

Martyniuk Alla Petrovna – doctor of philological sciences, professor, the Theory and Practice of Translation Chair, V.N. Karazin Kharkiv National University (Maidan Svobody, 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: allamart@list.ru